

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Августин, Боэций и Абеляр
о языке и логике

Цель – анализ языка и логики в философии Августина, Боэция и Абеляра.

План

1. Августин о языке.
2. Логика Боэция.
3. Абеляр как логик.

Ключевые слова

Остенсивное определение, знаки и означаемые, теория предикатов, старая логика, номинализм, реализм.

Данная лекция посвящена анализу языка и логики в философии Августина, Боэция и Абеляра, рассмотренных Энтони Кенни в третьей главе его книги.

В начале первого параграфа третьей главы «Логика и язык», посвященного Августину, Кенни пишет о том, что Витгенштейн начинает свои «Философские исследования» с обширной цитаты из «Исповеди» Августина, которая представляет в корне ошибочное мнение о языке: мнение о том, что наименование является основой языка и что значение слова – это объект, который оно представляет. Кенни говорит о том, что взгляды Августина во многом напоминают собственные взгляды Витгенштейна, чем то, что является мишенью для критики Витгенштейна.

Как и Витгенштейн, Августин считает, что создание лингвистической конвенции предполагает единообразие между естественными, пред-конвенциональными реакциями на такие вещи, как указание пальцем – «естественный язык всех народов». Остенсивные определения сами по себе не научат ребенка смыслу слова: ребенок должен также «слышать слова, неоднократно используемые на своих местах в различных предложениях». Перед цитируемым отрывком он говорит: «криками и различными звуками, и движениями моих конечностей я пытался выразить свое внутреннее чувство и свою волю». Витгенштейн реагирует на это, указывая, что слова связаны с первобытным, естественным выражением чувств и используются вместо них.

Анализ языка в «Исповеди» предшествует другая работа «Об учителе». Тема этой работы, которая является диалогом между Августином и его сыном Адеодатом, не связана с образованием в целом, но основное внимание здесь уделяется обучению и изучению значения слов. Она начинается с обзора различных применений языка. Мы используем язык не только для передачи информации, но и для многих других целей, от молитвы Богу до пения в ванне. Мы можем использовать речь без звука, когда мы формируем слова в нашем сознании: в таком случае мы используем их как средство для вызова в памяти объектов, которые они означают.

Остенсивное (или указательное) определение, похоже, выходит из тупика, по крайней мере, для нескольких слов. Если я спрошу, что означает «стена», вы можете указать на нее своим пальцем. Не только материальные предметы, но и цвета можно определить посредством указания. Но есть два возражения по этому поводу. Во-первых, такие слова, как «если» или «о», не могут быть определены указательно; и, что более принципиально, жест указания, не меньше, чем произнесение слова, является только знаком, а не реальностью.

Августин отвечает на эти возражения, что есть такие слова, как «ходить», «есть» и «стоять», и что их можно объяснить созданием примера обозначения: я определяю посредством хождения, что значит «ходить пешком». Но предположим, я уже иду, когда кто-то спрашивает меня, что означает «ходить»: как мне это определить? Я предполагаю, что я пойду немного быстрее, говорит Адеодат. Но в данном случае наглядное определение показывает свою неоднозначность: откуда мне знать, имеет ли это смысл «прогулки» или «спешки»?

В итоге Августин заключает, что остенсивное обучение не передает смысл слов, этому не может научить учитель, но может научить учитель внутри нас, чей дом на небесах. Это христианская версия изучения языка, тезис Платона в диалоге «Менон», что все обучение действительно есть воспоминание. По дороге к этому выводу, Августин обсуждает ряд других важных вопросов философии языка.

Во-первых, он классифицирует признаки в зачаточной форме семиотики. Все слова – знаки, но не все знаки являются словами: например, есть буквы и жесты. Все имена – это слова, но не все слова – это имена: кроме таких слов, как «если» и «о», есть местоимения, а также существительные и глаголы, обозначающие времена.

Важно иметь в виду различие между знаком, и что он обозначает (что Августин называет его означаемым). Никто не может спутать камень со словом камень: но некоторые слова – это слова для слов, и здесь есть реальная опасность путаницы между знаком и означаемым.

В современном английском языке мы минимизируем риск такой путаницы использованием кавычек. Адеодат – человек, и есть три слога в слове «человек». В античной латыни нет кавычек, и нет такого четкого различия между обычным случаем, когда мы используем слово как предикат, и частным случаем, когда мы используем его как имя (название). Адеодат должен быть настороже, чтобы не попасть в ловушку, расставленную его отцом: Вы не состоите из трех слогов, поэтому Вы не человек, шутит Кенни. Августин посвящает несколько страниц объяснению этого, в то время как на одном уровне не все слова являются именами, на другом уровне каждое слово является именем, так как его можно использовать для того, чтобы назвать. Даже «глагол» – это имя. Проблемы, о которых он пишет в этом диалоге, были обсуждены в рамках дебатов средневековых схоластов, которые разработали теорию предположений.

Сам Августин, однако, не внес никакого вклада в дисциплину формальная логика. Он никогда не делал серьезного исследования Аристотеля, которого он довольно снисходительно описывает в своем «граде Божьем» как «человека выдающегося интеллекта, который не подходит Платону по стилю, но намного выше общего стада». Августин некоторое время очень интересовался стоиками, но его главным образом занимала этическая, а не логическая, отрасль их философии.

В молодости Августин действительно читал категории Аристотеля, когда учился риторике в Карфагене. В «Исповеди» он говорит о том, что очень быстро освоил текст, но жалуется, что книга, будучи очень ясной по своей сути, бесполезна в богословской перспективе.

Среди работ, традиционно приписываемых Августину, есть латинский парафраз Категорий. Поскольку эта работа не упоминается в перечне трудов Августина, в наше время ученые считают, что работа не является подлинной. Однако приписывание Августину привлекло внимание ученых раннего средневековья к этой части логики Аристотеля. Еще одна работа, «De Dialectica», долго считалась поддельной, однако недавно была восстановлена ее подлинность. Здесь наблюдаются признаки влияния стоиков, но Августин больше внимания уделяет грамматике, чем логике или философии языка.

Тесную связь между логикой и языком подчеркивает Боэций, наиболее значительный латинский логик первого тысячелетия. «Целое искусство логики, – писал он, – связано с речью». Боэций перевел большинство, возможно, даже все книги Аристотелевского логического корпуса, и он ввел в предисловие перевода «Категорий» Исагогику или Введение, Порфирия. Порфирий, ученик и биограф Плотина, ввел логику Аристотеля в учебный план Неоплатонических школ, и его «Исагогика» стала стандартным вводным текстом. Благодаря работе Боэция это положение сохранилось и в эпоху классического Средневековья.

Важной особенностью «Исагогики» Порфирия была теория предикатов, или видов отношений, в которых предикат может состоять к субъекту. Он перечислил пять классификации: вид, род, особенность, собственность и случай. Все эти термины упоминаются в «Топике» Аристотеля, но, хотя теория предикатов Порфирия и категории Аристотеля схожи, у них наблюдаются и различия. «Стиггер – это лабрадор» – указывает вид, к которому принадлежит Стиггер; «Стиггер – собака» – показывает род. В особенностях указываются функции, которые отличают вид внутри рода, например «Стиггер – золотисто-рыжий и ретривер». Люди обычно объясняют, к какому роду относятся животные, рациональной особенностью вида.

Предикаты «человек», «животное» при употреблении к индивидуальному человеку, например Сократу, являются предикатами в категории субстанции – они указывают, полностью или частично, основной вид сущности, которой является Сократ. Предикат «рациональный», особенность, которая ограничивает различие между субстанцией и случайностью: как часть определения она принадлежит категории субстанции, но, с другой стороны, рациональность – это качество, а качества – это случайности. Собственность является свойством вида, хотя и не определяющим: в средневековье было принято считать, что способность шутить является свойством, то есть собственностью, человеческой расы. Случайность – это предикат, который может или не может принадлежать данному лицу, без ущерба для существования этого лица.

Теория предикатов позволяет строить иерархии в категориях. Различение рода и вида относительно: что есть вид по отношению к высшему роду, есть род по отношению к низшему виду. Но есть предельные виды, которые не являются родами, такие как вид человека. И есть предельные роды, которые не являются видами высшего рода: например, десять категорий (которые не являются видами некоторого высшего рода, такого как «бытие»). Если мы примем категорию субстанции как основную, то мы можем вывести из нее два рода, тело и дух, добавив, соответственно, особенности «материальный» или «нематериальный». Из рода тела мы можем получить далее два рода, живых существ и минералов, добавляя особенности «одушевленный» или «неодушевленный». Род живых существ будет, аналогично, генерировать роды растений и животных, а род животных с особенностью «рациональный» произведет конечный вид человека, который включает в себя индивидуумов Петра, Павла и Иоанна. Ветвящаяся иерархия множества родов изображена на диаграмме «древо Порфирия».

В «Исагогике» Порфирий использует свою стратегию ветвления, чтобы задать три вопроса о видах и родах. Виды и роды не индивидуальные сущности, подобные Петру и Павлу: они в некотором смысле универсальны. «Существуют ли такие вещи, – спрашивает Порфирий, – вне разума, или они разумны? Если они находятся вне разума, являются ли они материальными или бестелесными? Если они бестелесны, существуют ли они в вещах, воспринимаемых чувствами, или отдельно от них?». Порфирий оставил эти вопросы без ответа; но они установили повестку дня для многих средневековых дискуссий. Они стали каноническими постановками проблемы Универсалий.

Сам Боэций ответил на эти вопросы так: они существуют вне разума; они бестелесны; они неразделимы, кроме как в мыслях индивидуума. Вид или род – это сходство, абстрагированное от особенностей, мы собираем образ человечества от индивидуальных людей. Это, говорит Боэций, было взглядом Аристотеля; но для целей формальной логики не стоит исключать платоновский тезис о независимо существующих универсалиях. Боэций написал комментарии к «Категориям» Аристотеля и к его трактату «Об истолковании». Эти комментарии показывают, что он имел некоторое знакомство также со стоической логикой, хотя он никогда не ставил ее выше аристотелевской. Например, он говорит, что стоики ошибались в отношении будущих состояний: когда p есть будущее предположение об условном состоянии, то « p или не- p » может быть истиной, но ни « p », ни «не- p » не должны быть определены как истина. Таким образом, «либо завтра будет морское сражение, либо завтра не будет морского сражения» истинно; но ни «завтра будет морское сражение», ни «завтра не будет морского сражения» не могут быть истинными сегодня.

Истинные выводы могут быть получены, считает Боэций, из набора высших универсальных пропозиций, которые он называет «локусами», следуя Цицероновскому переводу аристотелевского греческого «топоса». Подобные пропозиции проиллюстрированы в одном из его примеров: «вещи, чьи определения разные, сами по себе разные». Он написал трактат «De Topicis Differentiis», в котором предложил принципы для классификации высших пропозиций в группы. Эта работа, хотя она кажется не очень интересной современному читателю, была влиятельной в раннем Средневековье.

Работа Боэция в качестве писателя и комментатора послужила основой для изучения логики вплоть до получения полного логического корпуса Аристотеля в эпоху классического Средневековья (на латинском языке). С появлением новой логики университетов, вся предшествующая логика получила название «старой логики». Старая логика завершилась работой Абеляра в первые годы двенадцатого века: гений Абеляра был таков, что его логика содержала идеи, которые отсутствовали в логических трудах позднего средневековья.

Абеляр предпочитал вместо логики название «диалектики», и его основная логическая работа называлась «Dialectica». Он считал, что логика и грамматика тесно связаны, и что логика – лингвистическая дисциплина. Как и грамматика, логика имеет дело со словами, но слова предполагают не только звуки, но и значения. Тем не менее, если мы хотим иметь удовлетворяющую нас логику, мы должны начать с удовлетворяющего нас анализа грамматических частей речи, таких как существительные и глаголы.

Аристотель проводит различие между существительными и глаголами на том основании, что глаголы содержат указание времени. Абеляр отвергает это: верно, что спрягаются только

глаголы, но и существительные содержат неявную ссылку на время. Предметные термины означают в первую очередь вещи, существующие в настоящее время, вы можете увидеть это, если вы рассматриваете такое предложение, как «Сократ был мальчиком», произнесенное, когда Сократ был стар. Если бы время принадлежало только спрягающемуся глаголу, это предложение означало бы то же самое, что и «Мальчик был Сократом», но, конечно, это предложение ложно. Истинное соответствующее предложение – «кто-то, кто был мальчиком – это Сократ». Это выводит неявную ссылку на время в существительных. Чтобы это было выражено на логически ясном языке, существительные нужно заменить местоимениями, за которыми следуют описательные фразы: например, «вода идет» может быть переписано как «что-то, что считается водой, идет».

В определении характеристики глаголов главное не в том, что они спрягаются, а в том, что они делают предложения полными; без них, говорит Абеляр, нет полноты смысла. Могут быть полные предложения без существительных (например, «иди сюда!»), но нет полных предложений без глаголов.

Глагол «быть» может использоваться не только как связь между субъектом и предикатом, но также указывает на существование. Абеляр уделил значительное внимание этому моменту. Латинский глагол «est», говорит он, может появиться в предложении либо как прикрепленный к субъекту (например, «Сократ есть», «Сократ существует»), либо как третий дополнительный элемент (например, «Сократ есть человек»). Во-вторых, глагол не указывает на существование в таких предложениях как «Химеры воображаемы».

Абеляр предлагает два различных анализа предложений о существовании. Предложение «Сократ есть», говорит он, в какой-то момент, должно быть расширено в «Сократ есть существо». Но это вряд ли удовлетворительно, так как двусмысленность глагола «esse» переносится в его причастие «бытие». В одной из своих работ, не посвященных логике, Абеляр следующим образом разъясняет это положение. Он говорит, что в предложении «Отец существует» мы не должны принимать понятие «отец» как за что-либо; скорее, предложение эквивалентно тому, что «что-то есть отец». «Существует» таким образом вообще исчезает, как предикат, и заменяется квантификатором плюс глагол. Это нововведение, а также его предложение, что выражения, как «человек» должны рассматриваться как единое целое, сделали Абеляра предшественником идей Готтлоба Фреге, которые с девятнадцатого века являются фундаментальными в современной логике.

Для современников Абеляра самой насущной логической задачей была проблема универсалий. Неудовлетворенный теориями двух своих учителей – номиналиста Росцелина и реалиста Гильома Шампо, Абеляр предложил средний путь между ними. С одной стороны, было абсурдно говорить, что Адам и Петр не имели ничего общего, кроме слова «человек»; существительное применяется к каждому из них в силу их сходства друг с другом, что было чем-то объективным. С другой стороны, абсурдно говорить, что существует субстанциальная сущность, человеческий вид, который присутствует в своей полноте в каждом индивидууме; это подразумевает, что Сократ должен быть идентичен Платону, и что он должен быть в двух местах одновременно. Сходство – это не существенная вещь, и только отдельные вещи существуют.

И номинализм, и реализм зависят от неадекватного анализа того, что это слово должно означать. Слова означают двумя способами: они означают вещи, и они выражают мысли. Они означают вещи путем вызывания соответствующих мыслей, понятий, под которыми разум приносит вещи в мир. Мы приобретаем эти понятия, рассматривая ментальные образы, но они чем-то отличаются от изображений. Именно эти понятия позволяют нам говорить о вещах и превращать вокальные звуки в значимую речь. Нет универсального человека, отличного от универсального существительного «человек» – это степень истины в номинализме. Но, согласно Росцелину, существительное «человек» – это не просто вздох дыхания – оно превращается в универсальное существительное по нашему пониманию. Как скульптор превращает кусок камня в статую, так наш интеллект превращает звук в слово. В этом смысле можно сказать, что универсалии – это творения разума.

Абеляр, в отличие от некоторых других логиков, средневековых и современных, сделал четкое различие между предикацией и утверждением, что является наиболее существенным его вкладом в логику.

Абеляр утверждал самое высшее, Божественное происхождение логики. Он писал: «И подобно тому как от Христа возникло название «христиане», так и логика получила название от «Логоса». Последователи ее тем истиннее называются философами, чем более истинными любителями этой высшей мудрости они являются». Более того, логику он называл «величайшей мудростью наивысшего Отца», данной людям для того, чтобы просветить их «светом истинной мудрости» и сделать людей «в равной степени христианами и истинными философами».

Таким образом, мы рассмотрели язык и логику в философии Августина, Боэция и Абеляра, проанализированные Энтони Кенни в третьей главе его книги. В следующей лекции мы продолжим тему логики и языка в философии Средневековья.

Вопросы для закрепления темы

1. Что означает остенсивное определение?
2. Какие важные вопросы философии языка поднимает Августин?
3. Что представляет собой теория предикатов в «Исагогике» Порфирия?
4. Что иллюстрирует «древо Порфирия»?
5. Как ответил Боэций на вопросы о видах и родах, представляющие каноническую постановку проблемы универсалий?
6. В чем отличие «старой логики» от «новой логики»?
7. На какие логические задачи Абеляра обращает внимание Энтони Кенни?
8. Как решает Абеляр проблемы между номинализмом и реализмом?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. <https://www.portal-slovo.ru/history/35542.php>